

**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Ф. ПЕРНУ***М.А. Чернышева*

Языковая норма, изучаемая в течение долгих лет отечественными и зарубежными исследователями, находит свою интерпретацию в работе социолога Ф. Перну. В рамках социологического взгляда на явление нормы в языке, а также на механизмы кодификации рассматривается вопрос разнообразия языковой нормы, которое обусловлено областью её применения («языковым рынком») и природой социального контроля. Норма вторична, а первичными являются суждения, основанные на имплицитных ожиданиях собеседника. Норма обеспечивается зафиксированным набором схем, реализующихся говорящими в повседневном использовании, и постоянно подвергается корректировке.

Ключевые слова: языковая норма; кодификация; социальный контроль в языке; габитус; «языковые рынки».

Вопросы, связанные с языковой нормой, не только не теряют свою актуальность со временем, но приобретают новые интерпретации как с позиций разных областей лингвистики, так и сквозь призму смежных дисциплин. Несмотря на изученность проблемы языковой нормы, её статуса, специфики её функционирования, многие вопросы остаются дискуссионными и требующими переосмысления. Так, социолог и преподаватель университета г. Женевы (Швейцария) Филипп Перну (Ph. Perrenoud), занимающийся популяризацией дифференцированного образования, технологиями формирования новых компетенций и возглавляющий научную лабораторию LIFE «Иновация-Воспитание-Образование» (le laboratoire de recherche Innovation-Éducation-Formation¹²), в одной из своих ранних работ, посвящённой социологическим размышлениям о языковой организации и опубликованной в коллективном сборнике в 1988 г. [1], задаётся вопросами о том, что такое языковая норма, как и почему происходит регламентация в языке, является ли нормирование в языке следствием языковой политики государства и школы, или же речь идёт о функционировании собст-

---

¹² Официальная страница лаборатории LIFE: <http://www.unige.ch/fapse/life/>.

венных механизмов языковой системы. Учёный пытается найти ответы на эти и другие вопросы, интерпретируя явление с позиций социологии.

Социологическую характеристику языковой нормы следует начать с осознания того, что норма бывает разной и зависит от природы социального контроля. Так, согласно Ф. Перну, существует языковая норма, обусловленная профессиональной деятельностью говорящего. Например, административный, юридический язык или язык школы требуют точного соблюдения правил орфографии и пунктуации, а язык военных отличается лаконичностью и эмоциональной сдержанностью.

Другим важным моментом в исследовании нормы является область её применения: одна норма может характеризовать общепринятое употребление на национальном уровне. Такая норма является кодифицированной¹³ и контролируется централизованно. А бывает и норма, реализующаяся при употреблении языка в рамках семьи. В этом случае норма определяется традицией, эпохой и др. Рассматривая норму как явление неоднозначное, Ф. Перну ссылается на следующие тезисы [2]:

1. Норма варьируется не только между разными обществами, но и между разными социальными группами внутри одного общества.

2. Норма изменяется внутри группы; консенсус никогда не окончательен, т.к. норма достигается в процессе переговоров и борьбы.

3. Норма может выступать как инструмент власти, даже тоталитарного доминирования и, в то же время, инструмент равенства и демократии; всё зависит от её использования.

4. Суждения об отклонениях от нормы или о соответствии ей не являются одинаково очевидными явлениями для всех, а представлениями, построенными на опыте, часто различном, участниками с определённым социальным статусом.

5. Социальный контроль никогда не носит автоматический характер, а инициируется индивидуумом или организацией, морально или материально заинтересованной в фиксации отклонения с целью укрепить власть, подтвердить собственный авторитет, усилить языковой порядок, дискредитировать конкурента.

6. Социальная жизнь – это постоянные переговоры по вопросам нормы, а также диалог с нормой; языковая норма не является единожды и навсегда установленной системой, а продуктом постоянной реконструкции, сопровождаемой колебаниями и конфликтами.

---

¹³ Под кодификацией традиционно понимается «сознательная письменная и устная фиксация целенаправленно отобранных языковых элементов и правил, закрепленных в словарях и грамматиках и воспринимаемых как обязательных для всех членов общества, независимо от территории проживания и рода деятельности носителей языка» [3].

Вышеизложенные тезисы, по мнению Ф. Перну, абсолютно не означают, что любой носитель языка может менять норму, по своему усмотрению, или что нормы употребления постоянно меняются. Задача социальных наук состоит в том, чтобы объяснить существующие расхождения и донести до общества идею о том, что норма как таковая не может механически диктовать правила употребления, т.к. они постоянно подвергаются корректировке. С другой стороны, реальные языковые употребления в состоянии менять отдельные положения нормы [1]. Речь идёт, прежде всего, о нестрогих законах, в которых по определению заложена возможность к варьированию.

Трудно не согласиться с автором в его рассуждениях, т.к. возможность модификаций основана на устойчивых, константных элементах функционирующей системы языка, допускающих, тем не менее, определённые колебания (варианты) в её рамках [4].

Ф. Перну также рассматривает соотношение таких понятий, как «норма» и «суждение». Для социологического контекста норма, скорее, вторична. Намного больший интерес представляют суждения (франц. *jugements*), т.к. они разнообразнее строгой нормы и отражают ежедневные реализации языка. Суждения двойственны, изменчивы, больше связаны с реальным контекстом, чем эксплицитная норма, кодифицированная по текстам или устной традиции. А момент суждения основан на имплицитных нормативных ожиданиях собеседника, т.е. он первичен. Затем происходит поиск правила из существующего «репертуара» норм. Поэтому, по мнению автора, на уровне сообщества некоторые новые правила – это результат кодификации изначально имплицитных ожиданий. Таким образом, мы сталкиваемся с двумя реалиями: 1) оценочными актами в ситуации, отсылающими к ожиданиям, не всегда эксплицитным или даже неосознанным в момент суждения; 2) общественными нормативными репрезентациями, сформулированными либо в конкретной ситуации на основе суждения, либо в зависимости от гипотетической ситуации. В результате, разработка нормы, претендующей на всеобщность, подчиняется двум стратегиям. Первая связана с разработкой нормы в конкретной ситуации, когда необходимо обозначить правило, аргументировать суждение с целью убеждения, контроля. В этом случае речь идёт о прагматическом подходе, ставящем норму на службу коммуникативной стратегии. Вторая реализуется *in abstracto*, вне реальной ситуации. Её цель – систематизировать различные реализации языка для осуществления адекватной языковой политики [1].

Созданием абстрактной нормы занимаются составители словарей, грамматик, справочников, направленных на язык в целом. Но имеют ли такие «наборы правил» выход в речь? Если подчинять язык абстрактной норме, то речь, на которую этот язык направлен, тоже должна быть идеальной, абстрактной, внеконтекстной, не относящейся к конкретному

«языковому рынку» (термин П. Бурдьё). Это означает, что абстрактная норма поддерживает фикцию, либо имплицитно выступает за создание специфического «языкового рынка». Тем не менее, абстрактная норма необходима как ориентир, как гарант компетентности, прежде всего, для деятелей культуры, политиков, представителей образования и т.д. Но, как справедливо отмечает Ф. Перну, следует сделать акцент на разработчиках этой нормы: составителях словарей, журналистах, членах академий. Чем больше будет круг создателей абстрактной нормы, чем разнообразней будет их языковой опыт и шире область деятельности, тем больше абстрактная норма будет применима к реальным ситуациям [1].

Интересными представляются наблюдения Ф. Перну, касающиеся особенностей восприятия языковых отклонений (франц. *déviations linguistiques*). Анализируя явление восприятия языкового отклонения, Ф. Перну говорит о двух простых правилах: 1) в различных ситуациях один и тот же человек не воспринимает одни и те же языковые отклонения; 2) в одной и той же ситуации два человека не воспринимают одни и те же языковые отклонения. Более того, в языковой регламентации происходят те же процессы, что и в обществе в целом. Например, Ф. Перну говорит о существующей тенденции к «сверхтерпимости» (франц. *laxisme*), когда языковые отклонения от нормы в речи говорящего фиксируются собеседником, но не корректируются в силу тех или иных стратегических причин. Автор сравнивает подобное поведение людей с сознательным нежеланием видеть, как происходит правонарушение. Собеседник чаще всего «закрывает глаза» на языковые девиации, чтобы не нарушить коммуникативное взаимодействие [1].

Каким же образом происходит организация речи с точки зрения нормы? Согласно гипотезе, выдвигаемой Ф. Перну и основанной на трудах П. Бурдьё и других учёных, соблюдение языковой нормы говорящими не имеет ничего общего, например, с алгоритмом работы операционной системы, т.к. большинство говорящих не способно объяснить функционирование нормы в своей речи. В большей степени речь идёт об использовании говорящими неосознанных схем языковой системы, т.е. определённых моделей восприятия, мысли, оценки и действия [5]. Иначе говоря, автор предполагает с большой долей уверенности, что норма является не результатом целенаправленного сохранения, анализа и систематизации языковых кодов узким кругом специалистов, а, скорее, зафиксированным набором схем, реализующихся говорящими в повседневном использовании.

Ф. Перну напоминает, что в контексте подобных наблюдений часто употребляют социологический термин «габитус» (фр. *habitus* ‘характерное поведение социальной группы’), являющийся одним из основных понятий теории П. Бурдьё. Габитус понимается как «система приобретённых схем, действующих на практике как категории восприятия и оценивания или как принцип распределения по классам, в то же время как организационный

принцип действия» [7]. Реализация нормы выступает как реакция собеседников, общающихся на различных «языковых рынках». Говорящие комбинируют схемы, чтобы понять высказывание собеседника или продуцировать собственное высказывание. Габитус позволяет нам действовать в иллюзии импровизации, т.к. схемы, которыми мы располагаем, активизируются практически неосознанно. Таким образом, речь идёт не о неисчерпаемом наборе «запрограммированных» правил, а об относительно ограниченном наборе гибких схем, которые легко вступают в связи и адаптируются под конкретную ситуацию [1]. Более того, по мнению П. Бурдьё [6], говорящий обладает также металингвистическим габитусом, т.е. набором схем, позволяющим судить о соответствии высказывания собеседника норме [1]. Формирование габитуса происходит вследствие прогрессивной интернализации¹⁴ реакций, которые каждый говорящий встречает в ежедневном коммуникативном процессе в семье, в школе и т.д.¹⁵

Справедливость данной позиции подтверждается и традиционной лингвистикой, т.к., по мнению исследователей, любая форма существования языка обладает собственными «речевыми конвенциями» и «механизмами вероятностного речевого поведения» [9]. В процессе коммуникации создаётся реальная норма, т.е. «...происходит стихийная регламентация употребления элементов всех уровней языка...» [3].

В течение долгого времени оправдание нормы необходимостью наличия кода не находило противников в науке. И только в XX в. сформировалось научное течение, подчёркивающее произвольность некоторых правил и говорящее о том, что эти правила нередко служат для доминирования или отличия, выходящих за рамки обычной коммуникации. Эта критика основывается на исследованиях вариативности языка, показывающих, что наличие вариаций в языке не ставит под угрозу коммуникативный акт и внутреннее действие кода. Вариации в языке могут не препятствовать взаимному пониманию, т.к. в случае необходимости говорящий подстраивается, как минимум, пассивно, под код собеседника [1].

Вышесказанное означает, что норме свойственна динамика, о которой говорится в лингвистике ещё в 60-е годы XX в. Так, представитель Пражского лингвистического кружка А. Едличка отмечал, что варианты или девиации в языке снимают противоречие между статичной кодификацией и реальной динамикой нормы, утверждая, что «... развитие нормы соверша-

---

¹⁴ Интернализация (от лат. *interims* – внутренний) – термин применяется в социологии, психологии, педагогике и культурологии для обозначения процесса освоения индивидом или группой людей социальных ценностей, норм, установок, стереотипов, принадлежащих тем, с кем она, он или они взаимодействуют. В результате структуры, внешние по отношению к данной личности или группе, превращаются в их внутренние регуляторы поведения [8].

¹⁵ Концепция схем в социологии П. Бурдьё основана на теории швейцарского психолога Ж. Пиаже (J. Piaget).

ется именно благодаря вариантам, они являются, как правило, переходными формами от одного качества к другому...» [10]. Тем не менее, такой релятивистский подход к норме разделяется не всеми исследователями. Некоторые авторы, ставя под сомнение критерии отбора единиц – употребительность явления или само его существование, опасаются, что такое видение нормы может сделать её «искусственной» [11].

Интерпретация языковой нормы Ф. Перну не противоречит позициям традиционной лингвистики, а углубляет понимание явления. Так, в лингвистике принято говорить о существовании эксплицитной, кодифицированной нормы, с одной стороны, и имплицитной, объективной – с другой. Также вопросы языковой нормы рассматриваются исследователями в рамках триады «норма/узус/употребление». А разнообразие нормы подтверждается наличием многочисленных вариантов в языке.

Таким образом, социологическая характеристика языковой нормы не кажется внешним взглядом на норму как фундаментальный аспект лингвистики, а представляется актуальной интерпретацией явления с позиций таких областей знаний, как социология, психология, теория коммуникации, позволяющей рассматривать рядовых носителей языка в качестве главных «законодателей» языковой нормы.

Библиографический список

1. Perrenoud, Ph. Parle comme il faut ! Réflexions sociologiques sur l'ordre linguistique / Ph. Perrenoud // In Schoeni, G., Bronchard, J.-P. et. Perrenoud, Ph. (dir.) La langue française est-elle gouvernable ? Normes et activités langagières. – Neuchâtel et Paris: Delachaux et Niestlé, 1988. – P. 79–108.
2. Malherbe, N. Les tendances récentes de la sociologie de la déviance aux États-Unis // Revue suisse de sociologie. – 1977. – № 2. – P. 143–184.
3. Пирогов, Н.А. К вопросу о сущности языковой нормы / Н.А. Пирогов // Актуальные проблемы лингвистики. № 17. Материалы ежегодной региональной научной конференции / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2004. – С. 94–95.
4. Семенюк, Н.Н. Некоторые вопросы изучения вариантности / Н.Н. Семенюк // ВЯ. – 1965. – № 1. – С. 48–55.
5. Bourdieu, P. Le sens pratique / P. Bourdieu. – Paris: Ed. de Minuit, 1980. – 480 p.
6. Bourdieu, P. Ce que parler veut dire. L'économie des échanges linguistiques / P. Bourdieu. – Paris: Fayard, 1982. – 248 p.
7. Громов, И.А. Западная социология / И.А. Громов, И.А. Мацкевич, В.А. Семёнов. – СПб.: ООО «Издательство ДНК», 2003. – С. 531.
8. Этнопсихологический словарь / под ред. В.Г. Крысько. – М.: Московский психолого-социальный институт, 1999. – 343 с.

9. Беляева, Т.М. Нестандартная лексика английского языка / Т.М. Бе-
ляева, В.А. Хомяков. – Л.: ЛГУ, 1985. – 136 с.
10. Едличка, А. О пражской теории литературного языка / А. Едличка //
Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967. – С. 544–556.
11. Зубова, Т.Е. Принципы типологического изучения региональной ре-
чи (галло-романский языковой ареал): дис. ... д-ра филол. наук / Т.Е. Зубо-
ва. – Минск, 1987.